

Преступление и наказание

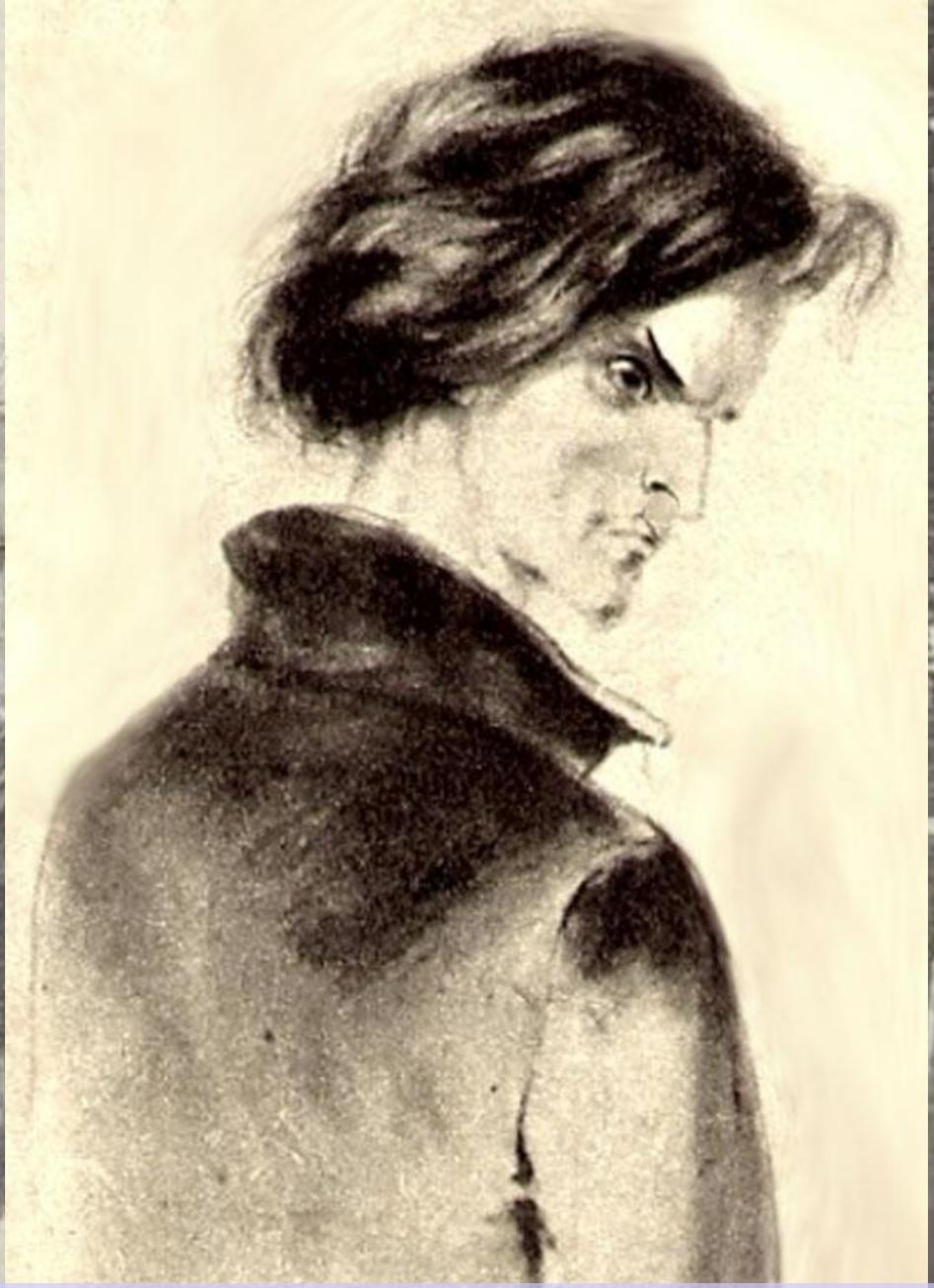
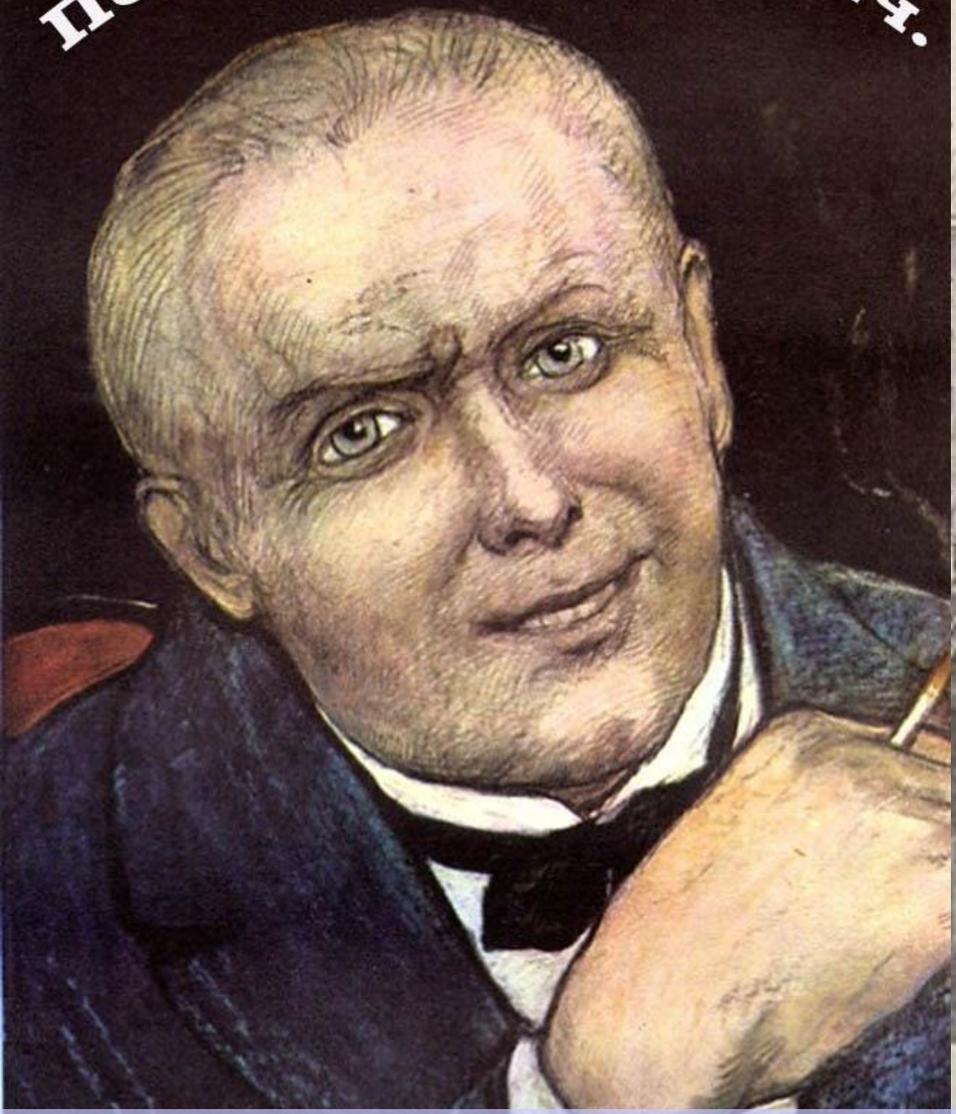

8. Психология Раскольникова после преступления

Мрачное ощущение мучительного, бесконечного **уединения** и **отчуждения** вдруг сознательно сказались душе его.

Порфирий Петрович.

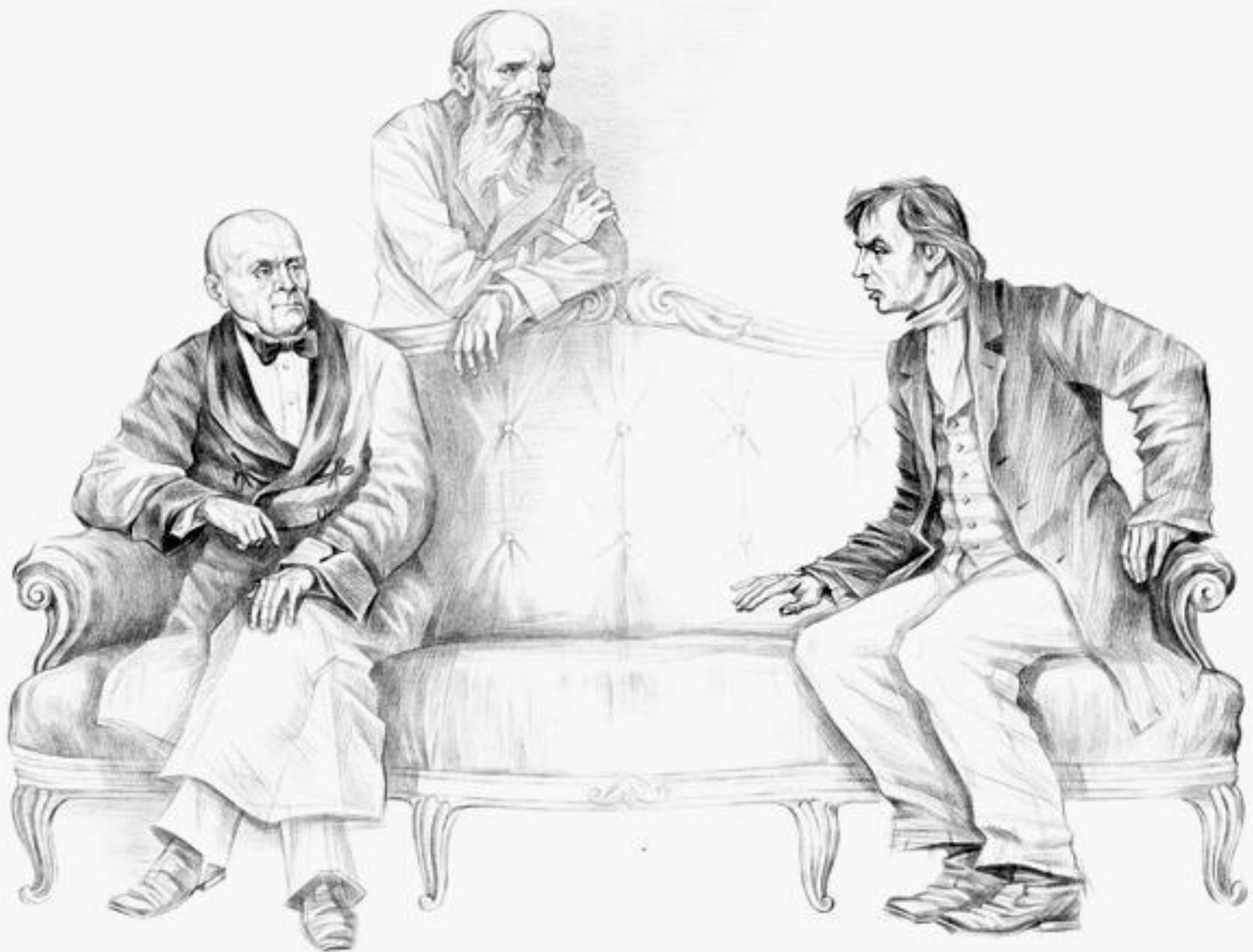

Поединок Раскольникова и Порфирия Петровича

Поединок Раскольникова и Порфирия Петровича

Поединок Раскольникова и Порфирия Петровича

4. Теория Раскольников

2. Я просто-запросто намекнул, что «необыкновенный» человек имеет право... то есть не официальное право, а сам имеет право разрешить своей совести перешагнуть... через иные препятствия, и единственно в том только случае, если исполнение его идеи (иногда спасительной, может быть, для всего человечества) того потребует. Вы изволите говорить, что статья моя неясна; я готов ее вам разъяснить, по возможности. Я, может быть, не ошибусь, предполагая, что вам, кажется, того и хочется; извольте-с. По-моему, если бы Кеплеровы и Ньютоновы открытия вследствие каких-нибудь комбинаций никоим образом не могли бы стать известными людям иначе как с пожертвованием жизни одного, десяти, ста и так далее человек, мешавших бы этому открытию или ставших бы на пути как препятствие, то Ньютон имел бы право, и даже был бы обязан... *устранить* этих десять или сто человек, чтобы сделать известными свои открытия всему человечеству. Из этого, впрочем, вовсе не следует, чтобы Ньютон имел право убивать кого вздумается, встречных и поперечных, или **воровать каждый день на базаре.**

4. Теория Раскольников

3. Далее, помнится мне, я развиваю в моей статье, что все... ну, например, хоть законодатели и установители человечества, начиная с древнейших, продолжая Ликургами, Солонами, Магометами, Наполеонами и так далее, все до единого были преступники, уже тем одним, что, давая новый закон, тем самым нарушали древний, свято чтимый обществом и от отцов перешедший, и, уж конечно, не останавливались и перед кровью, если только кровь (иногда совсем невинная и доблестно пролитая за древний закон) могла им помочь. Замечательно даже, что большая часть этих благодетелей и установителей человечества были особенно страшные кровопроливцы. Одним словом, я вывожу, что и все, не то что великие, но и чуть-чуть из колеи выходящие люди, то есть чуть-чуть даже способные сказать что-нибудь новенькое, должны, по природе своей, быть непременно преступниками, — более или менее, разумеется. Иначе трудно им выйти из колеи, а оставаться в колее они, конечно, не могут согласиться, опять-таки по природе своей, а по-моему, так даже и **обязаны не соглашаться.**

4. Теория Раскольников

1. Я только в главную мысль мою верю. Она именно состоит в том, что люди, по закону природы, разделяются вообще на два разряда: на низший (обыкновенных), ... и собственно на людей, то есть имеющих дар или талант сказать в среде своей новое слово... Преступления этих людей, разумеется, относительноны и многообразны; большею частью они требуют, в весьма разнообразных заявлениях, разрушения настоящего во имя лучшего. Но если ему надо, для своей идеи, перешагнуть хотя бы и через труп, через кровь, то он внутри себя, по совести, может, по-моему, дать себе разрешение перешагнуть через кровь... Впрочем, тревожиться много нечего: масса никогда почти не признает за ними этого права, казнит их и вешает (более или менее) и тем, совершенно справедливо, исполняет консервативное свое назначение, с тем, однако ж, что в следующих поколениях эта же масса ставит казненных на пьедестал и им поклоняется (более или менее). Первый разряд всегда — господин настоящего, второй разряд — господин будущего. Первые сохраняют мир и приумножают его численно; вторые **двигают мир и ведут его к цели.**

5. Разоблачение теории Порфирием

1.— Благодарю-с. Но вот что скажите: чем же бы отличить этих необыкновенных-то от обыкновенных? При рождении, что ль, знаки такие есть?..

— ... примите в соображение, что ошибка возможна ведь только со стороны первого разряда... они сами себя посекут, потому что очень благодетельны; иные друг дружке эту услугу оказывают, а другие сами себя собственноручно... Покаяния разные публичные при сем на себя налагают, — выходит красиво и назидательно, одним словом, вам беспокоиться нечего... **Такой закон есть.**

5. Разоблачение теории Порфирием

2. — Ну, по крайней мере с этой стороны, вы меня хоть несколько успокоили; но вот ведь опять беда-с: скажите, пожалуйста, много ли таких людей, которые других-то резать право имеют, «необыкновенных-то» этих? Я, конечно, готов преклониться, но ведь согласитесь, жутко-с, если уж очень-то много их будет, а?..

— Вообще людей с новою мыслию, даже чуть-чуть только способных сказать хоть что-нибудь новое, необыкновенно мало рождается, даже до странности мало... **тут не может быть случая.**

5. Разоблачение теории Порфирием

3.— Так-с, так-с, — не сиделось Порфирию...

Ну как иной какой-нибудь муж, али юноша, вообразит, что он Ликург али Магомет... — будущий, разумеется, — да и давай устранять к тому все препятствия...

Предстоит, дескать, далекий поход, а в поход деньги нужны... ну и начнет добывать себе для похода... знаете?

— Так что же? Общество ведь слишком обеспечено ссылками, тюрьмами, судебными следователями, каторгами, — чего же беспокоиться? И ищите вора!..

— Ну, а коль сыщем?

— **Туда ему и дорога.**

5. Разоблачение теории Порфирием

4. — Позвольте вам заметить, — отвечал Раскольников сухо, — что Магометом иль Наполеоном я себя не считаю... ни кем бы то ни было из подобных лиц, следовательно, и не могу, не быв ими, дать вам удовлетворительного объяснения о том, как бы я поступил.

— Ну, полноте, кто ж у нас на Руси себя Наполеоном теперь не считает? — с страшною фамильярностию произнес вдруг Порфирий. Даже в интонации его голоса было на этот раз нечто уж особенно ясное.

Мещанин на этот раз поднял глаза и зловещим, мрачным взглядом посмотрел на Раскольниковова.

— Убивец! — проговорил он вдруг тихим, но ясным и отчетливым голосом...

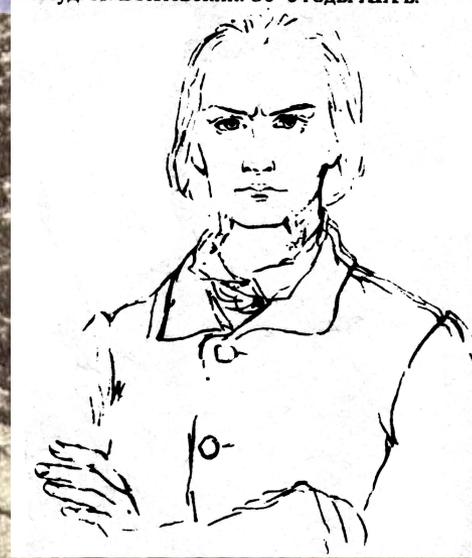
Раскольников шел подле него. Ноги его ужасно вдруг ослабели... Мещанин не глядел на него.

— Да что вы... что... кто убийца? — пробормотал Раскольников едва слышно.

— Ты убивец, — произнес тот

Поединок Раскольникова и Порфирия Петровича

Порфирий Петрович

Поединок Раскольникова и Порфирия Петровича

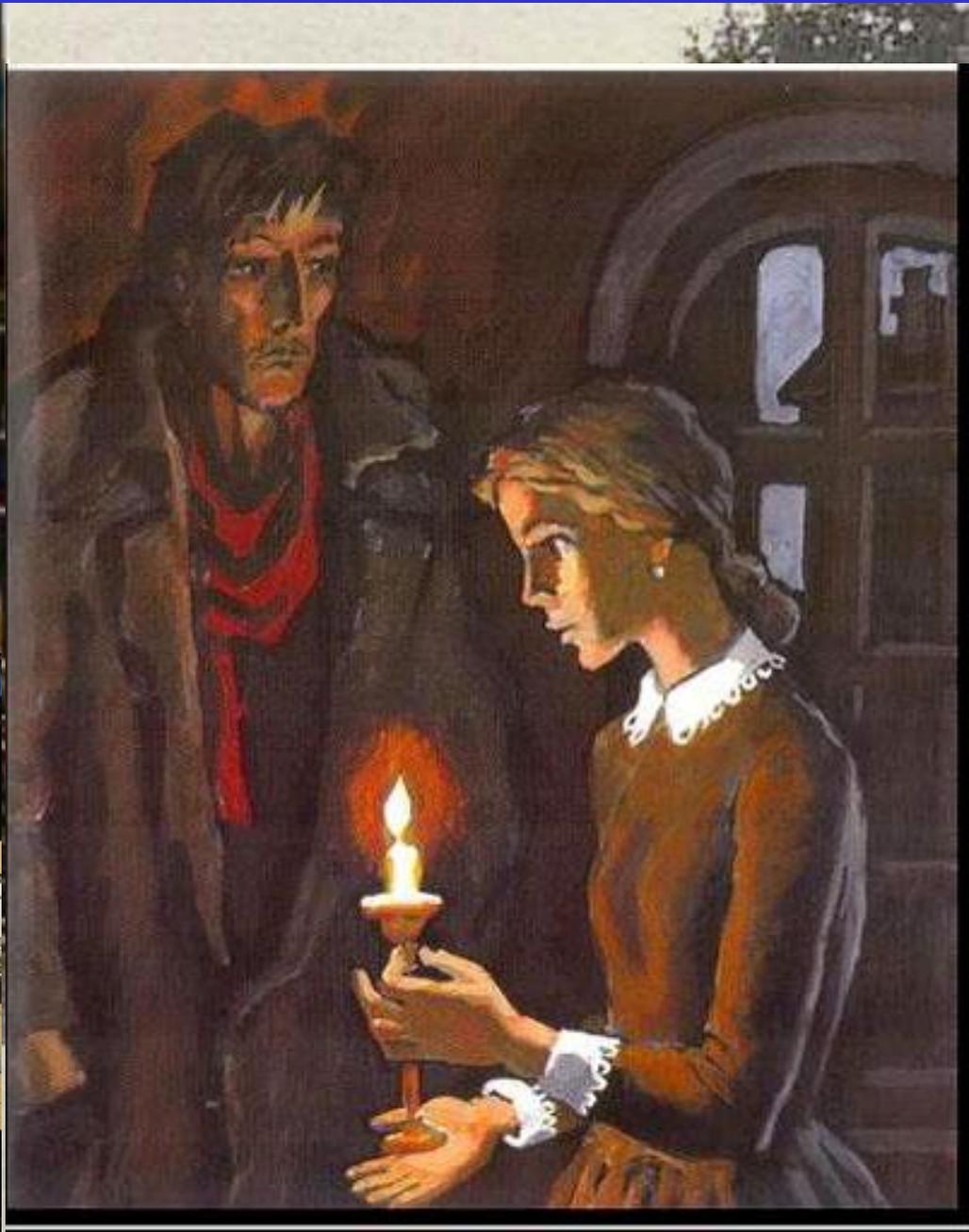
Это было худенькое, совсем худенькое и бледное личико, довольно не правильное, какое-то востренькое, с востреньким маленьким носом и подбородком. Ее даже нельзя было назвать и хорошенькою, но зато голубые глаза ее были такие ясные, и, когда оживлялись они, выражение лица ее становилось такое доброе и простодушное, что невольно

Поиски родственной души. Сонечка Мармеладова.

всеи ее фигуре, была сверх того одна особенная характерная черта: несмотря на свои восемнадцать лет, она казалась почти еще девочкой, гораздо моложе своих лет, совсем почти ребенком

Поиски родственной души. Сонечка Мармеладова.

— Я не тебе
поклонился, я всему
страданию
человеческому
поклонился, — как-то
дико произнес он и
отошел к окну.

— Потом поймешь. Разве ты не то же сделала? Ты тоже переступила... смогла переступить. Ты на себя руки наложила, ты загубила жизнь... свою (это всё равно!). Ты могла бы жить духом и разумом, а кончишь на Сенной... Но ты выдержать не можешь, и если останешься

одна, сойдешь с ума, как и я. Ты уж и теперь как помешанная; стало быть, нам вместе идти, по одной дороге! Пойдем!

— У меня теперь одна ты, — прибавил он. — Пойдем вместе... Я пришел к тебе. Мы вместе прокляты, вместе и пойдем!

7. Доводы Сонечки против преступления

1. Да ведь я божьего промысла знать не могу...

2. Что вы, что вы это **над собой** сделали! -

— Знаешь, Соня, — сказал он вдруг с каким-то вдохновением, — знаешь, что я тебе скажу: если б только я зарезал из того, что голоден был, — продолжал он, упирая в каждое слово и загадочно, но искренно смотря на нее, — то я бы теперь... *счастлив* был! Знай ты это!

— Потому я и звал с собою тебя вчера, что одна ты у меня и осталась.

— Куда звал? — робко спросила Соня.

— Не воровать и не убивать, не беспокойся, не за этим, — усмехнулся он едко, — мы люди разные... И знаешь, Соня, я ведь только теперь, только сейчас понял: куда тебя звал вчера? А вчера, когда звал, я и сам не

понимал куда. **За одним и звал, за одним приходил: не оставить меня. Не оставишь, Соня?**

Трагедия ищущей души

9. Зачем Раскольников убил старуху?

2. — Штука в том: я задал себе один раз такой вопрос: что если бы, например, на моем месте случился Наполеон и не было бы у него, чтобы карьеру начать, ни Тулона, ни Египта, ни перехода через Монблан, а была бы вместо всех этих красивых и монументальных вещей просто-запросто одна какая-нибудь смешная старушонка, ... И уж если бы только не было ему другой дороги, то задушил бы так, что и пикнуть бы не дал, без всякой задумчивости!.. Ну и я... вышел из задумчивости... задушил... по примеру авторитета... И это точь-в-точь так и было!

Осада крепости Тулон французской революционной армией длилась два месяца, но взять его так и не удалось. Капитан Буонапарте предложил отечеству свои услуги. Его план штурма города был рискованным, однако имел шансы на успех. План приняли. 17 декабря начался штурм Тулона. Наполеон шел во главе атакующих, был ранен.

К вечеру 18 декабря Тулон пал. Наполеон Буонапарте одержал свою первую победу. Французская республика присвоила ему чин генерала. Генералу было 24 года!

Трагедия ищущей души

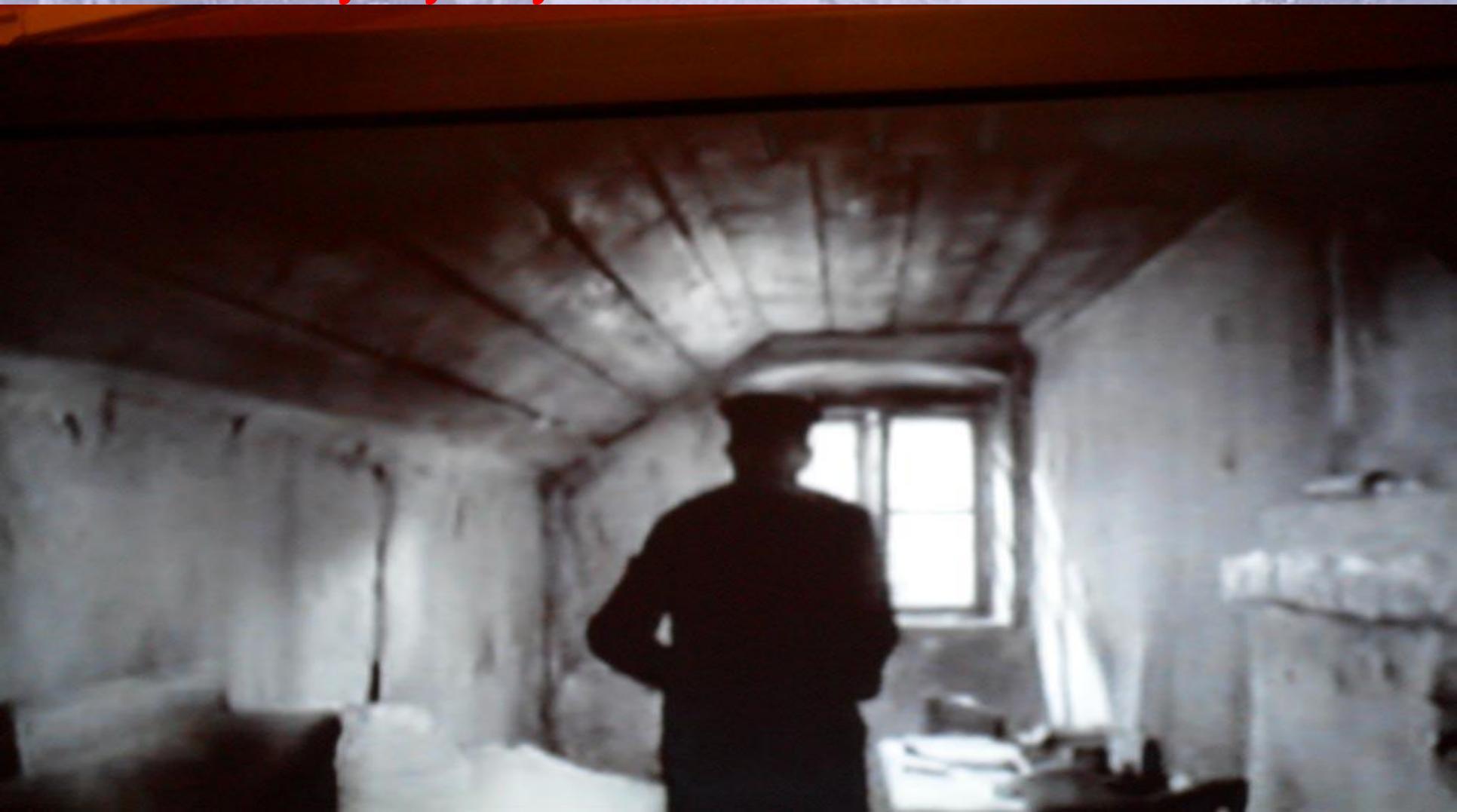
9. Зачем Раскольников убил старуху?

З. — Ты опять права, Соня. Это всё ведь вздор, почти одна болтовня! ... Ну... ну, вот я и решил, завладев старухиными деньгами, употребить их на мои первые годы, не мучая мать, на обеспечение себя в университете, на первые шаги после университета, — и сделать всё это широко, радикально, так чтоб уж совершенно всю новую карьеру устроить и на новую, независимую дорогу стать... Ну... ну, вот и всё... Ну, разумеется, что я убил старуху, — это я худо сделал... ну, и довольно!

9. Зачем Раскольников убил старуху?

А знаешь ли, Соня, что **НИЗКИЕ ПОТОЛКИ И ТЕСНЫЕ КОМНАТЫ** душу и ум теснят!

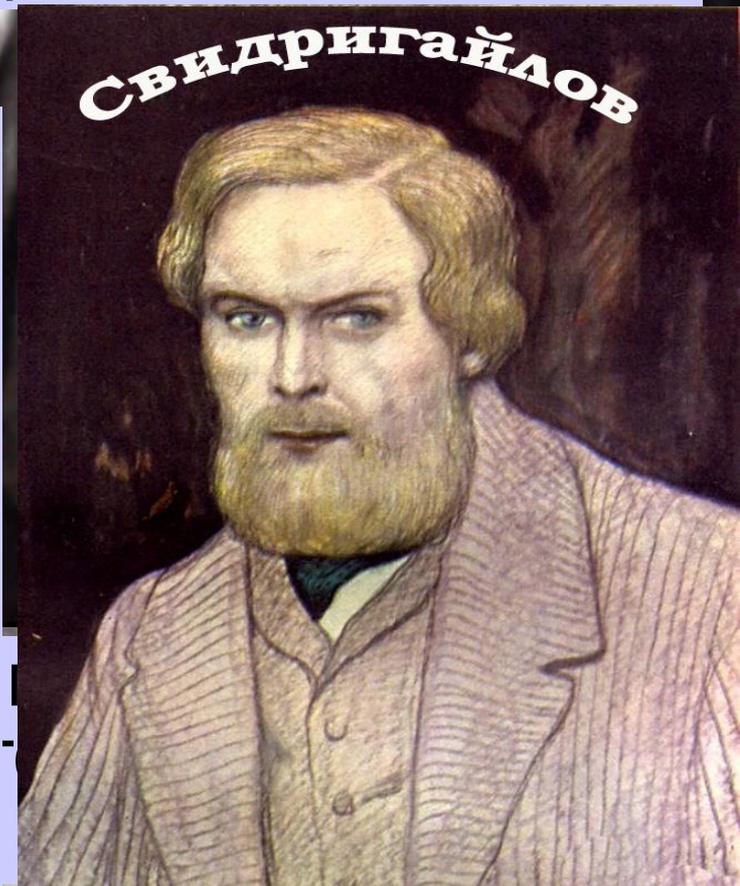
9. Зачем Раскольников убил старуху?

1. — я захотел убить для себя, для себя одного! Я лгать не хотел в этом даже себе! Не для того, чтобы матери помочь, я убил — вздор! Не для того я убил, чтобы, получив средства и власть, сделаться благодетелем человечества. Вздор! Я просто убил; для себя убил, для себя одного: а там стал ли бы я чьим-нибудь благодетелем или всю жизнь, как паук, ловил бы всех в паутину и из всех живые соки высасывал, мне, в ту минуту, всё равно должно было быть!.. И не деньги, главное, нужны мне были, Соня, когда я убил; не столько деньги нужны были, как другое... Я это всё теперь знаю... Мне другое надо было узнать, другое толкало меня под руки: **мне надо было узнать тогда, и поскорей узнать, вошь ли я, как все, или человек? Смогу ли я переступить или не смогу! Осмелюсь ли нагнуться и взять или нет? Тварь ли я дрожащая или *право* имею...**

— Э-эх! Человек недоверчивый! — засмеялся Свидригайлов. — Ведь я сказал, что эти деньги у меня лишние. Ну, а просто, по человечеству, не допускаете, что ль? Ведь не «вошь» же была она (он ткнул пальцем в тот угол, где была усопшая), как какая-нибудь старушонка процентщица. Ну, согласитесь, ну «Лужину ли, в самом деле, жить и делать мерзости, или ей

умирать?» И не помоги я, так ведь «Полечка, например, туда же, по той же дороге пойдет...» Он проговорил это с видом какого-то *подмигивающего*, веселого плутовства, не спуская глаз с Раскольникова. Раскольников побледнел и похолодел, слыша свои собственные выражения, сказанные Соне.

8. Психология Раскольникова после преступления

Для Раскольникова наступило странное время: точно туман упал вдруг перед ним и заключил его в безвыходное и тяжелое уединение. Припоминая это время потом, уже долго спустя, он догадывался, что сознание его иногда как бы тускнело и что так продолжалось, с некоторыми промежутками, вплоть до окончательной катастрофы. Он был убежден положительно, что во многом тогда ошибался, например в сроках и времени некоторых происшествий. По крайней мере, припоминая впоследствии и силясь уяснить себе припоминаемое, он многое узнал о себе самом, уже руководясь сведениями, полученными от посторонних. Одно событие он смешивал, например, с другим; другое считал последствием происшествия, существовавшего только в его воображении. Порой овладевала им болезненно-мучительная тревога, перерождавшаяся даже в панический страх.

— Вы когда меня думаете арестовать?
— Да денька полтора али два могу еще дать вам погулять. Подумайте-ка, голубчик, помолитесь-ка богу. Да и выгоднее, ей-богу, выгоднее.

— А-зе, сто-зе вам и здесь на-а-до? — проговорил он, всё ещё не шевелясь и не изменяя своего положения.

— Да ничего, брат, здравствуй! — ответил Свидригайлов.

— Здесь не места.

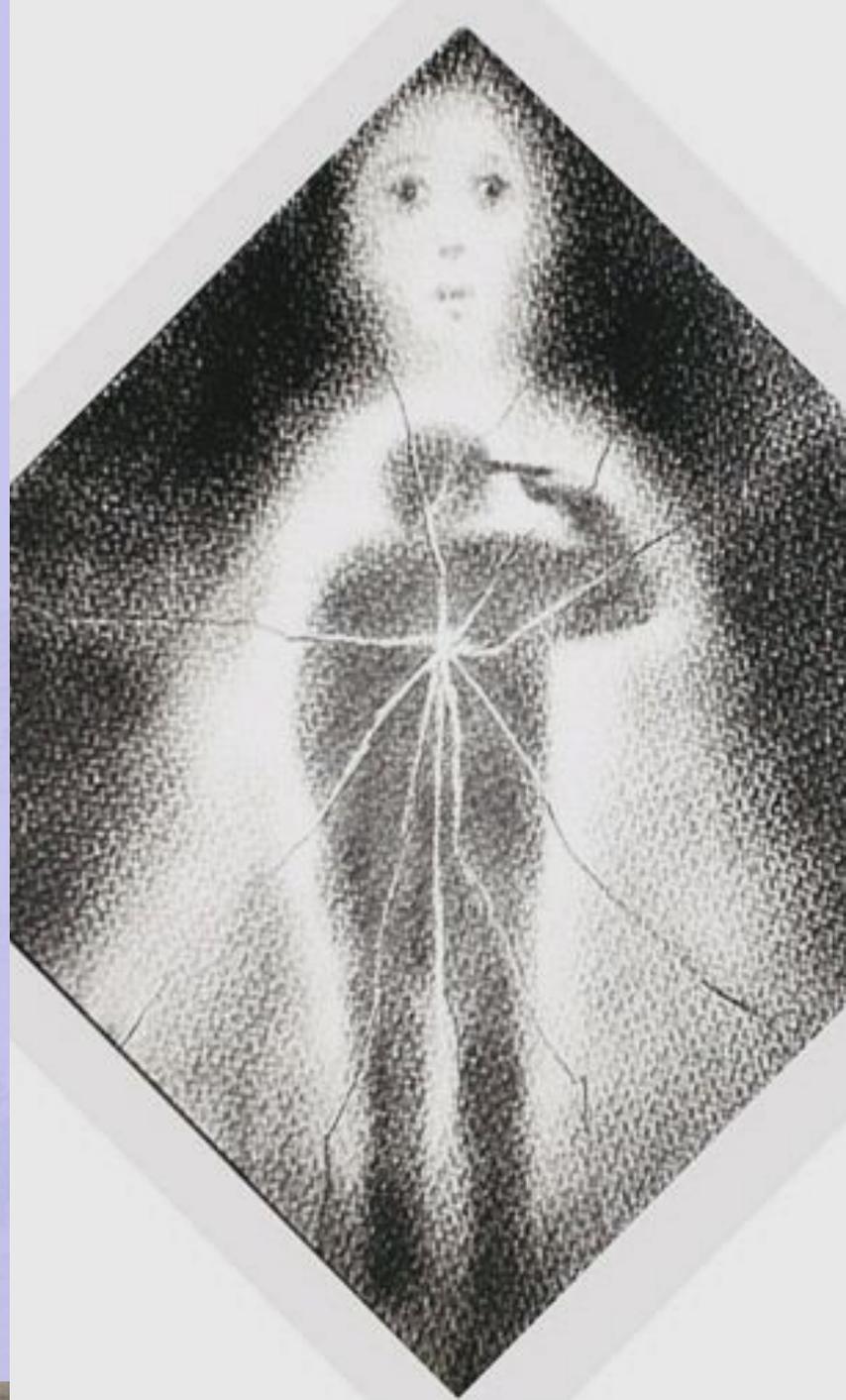
— Я, брат, еду в чужие края.

— В чужие края?

— В Америку.

— В Америку?

Свидригайлов вынул револьвер и взвел курок. Ахиллес приподнял брови.

10. Почему Раскольников признается в преступлении?

— Маменька, что бы ни случилось, что бы вы обо мне ни услышали, что бы вам обо мне ни сказали, будете ли вы любить меня так, как теперь? — спросил он вдруг — Я пришел вас уверить, что я вас всегда любил, ... я пришел вам сказать прямо, что хоть вы и несчастны будете, но все-таки знайте, что сын ваш любит вас теперь больше себя и что всё, что вы думали про меня, что я жесток и не люблю вас, всё это была неправда. Вас я никогда не перестану любить... Ну и довольно; мне казалось, что так надо сделать и этим начать...

— Ты плачешь, сестра, а можешь ты протянуть мне руку?

— И ты сомневался в этом?

Она крепко обняла его.

— Разве ты, идучи на страдание, не смываешь уже вполовину свое преступление? — вскричала она, сжимая его в объятиях и целуя его.

— Преступление? Какое преступление? — вскричал он вдруг, в каком-то внезапном бешенстве, — то, что я убил гадкую, зловредную вошь, ... и это-то преступление? Не думаю я о нем и смывать его не думаю. И что мне все тычут со всех сторон: «преступление, преступление!» Только теперь вижу ясно всю нелепость моего малодушия, теперь, как уж решился

идти на этот ненужный стыд! Просто от низости и бездарности моей решаюсь, да разве еще из выгоды, как предлагал этот... Порфирий!..

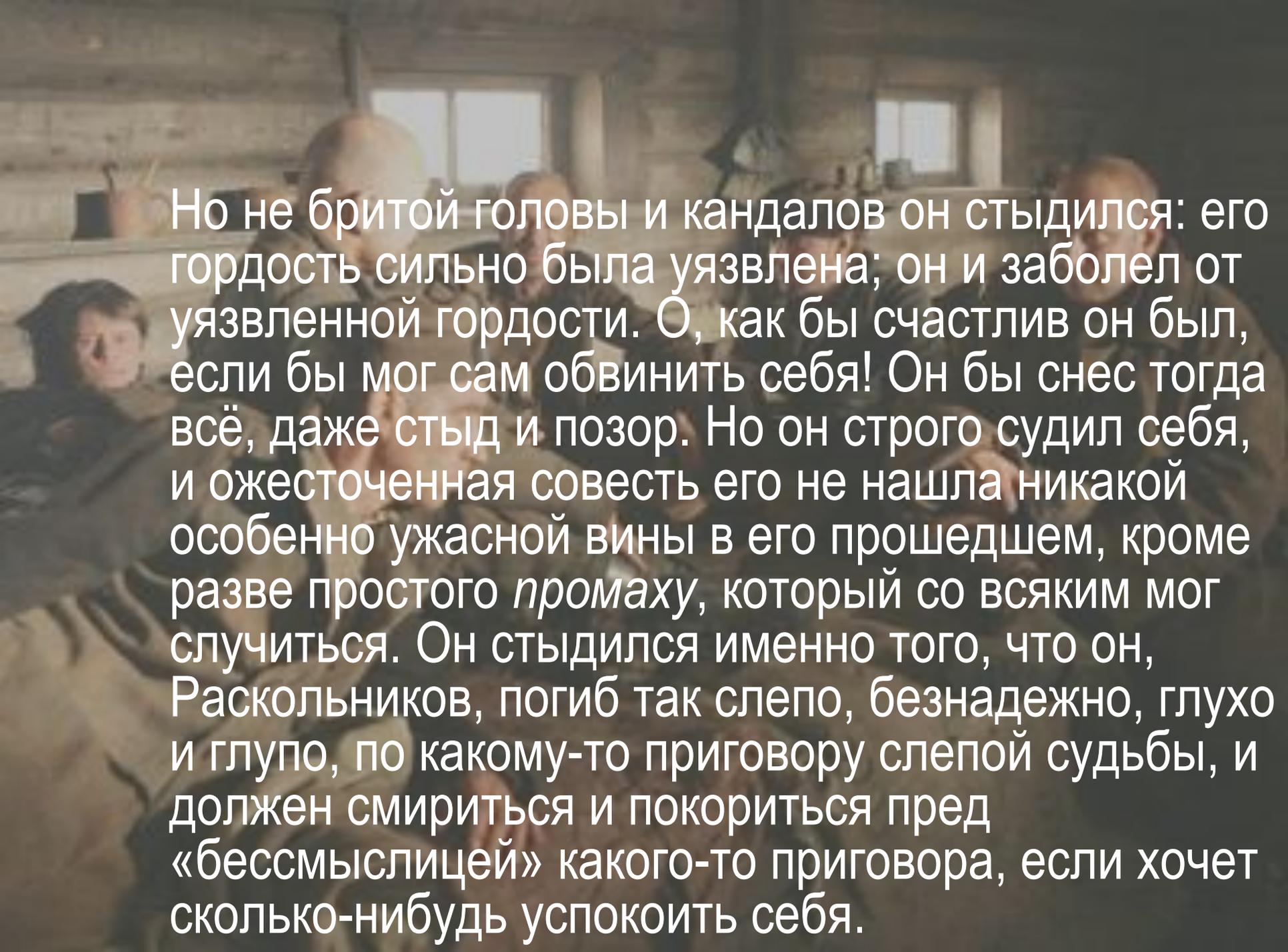
«Я зол, я это вижу, — думал он про себя, устыдясь чрез минуту своего досадливого жеста рукой Дуне. — Но зачем же они сами меня так любят, если я не стою того! **О, если б я был один и никто не любил меня, и сам бы я никого никогда не любил! *Не было бы всего этого!*** А любопытно, неужели в эти будущие пятнадцать — двадцать лет так уже смирится душа моя, что я с благоговением

буду хныкать пред людьми, называя себя ко всякому слову разбойником? Да, именно, именно! Для этого-то они и ссылают меня теперь, этого-то им и надобно... Вот они снуют все по улице взад и вперед, и ведь всякий-то из них подлец и разбойник уже по натуре своей; хуже того — идиот! А попробуй обойти меня ссылкой, и все они взбесятся от благородного негодования! О, как я их всех ненавижу!»

Но не бритой головы и кандалов он стыдился: его гордость сильно была уязвлена; он и заболел от уязвленной гордости. О, как бы счастлив он был, если бы мог сам обвинить себя! Он бы снес тогда всё, даже стыд и позор. Но он строго судил себя, и ожесточенная совесть его не нашла никакой особенно ужасной вины в его прошедшем, кроме разве простого *промаху*, который со всяким мог случиться. Он стыдился именно того, что он, Раскольников, погиб так слепо, безнадежно, глухо и глупо, по какому-то приговору слепой судьбы, и должен смириться и покориться пред «бессмыслицей» какого-то приговора, если хочет сколько-нибудь успокоить себя.

11. Роль последнего сна

Раскольников (сон о моровой язве) в раскрытии идейного смысла романа.

существа были духи, одаренные умом и волей. ... Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные. Никогда не считали непоколебимее своих приговоров, своих научных выводов, своих нравственных убеждений и верований. ... Не знали, кого и как судить, не могли согласиться, что считать злом, что добром. Не знали, кого обвинять, кого оправдывать. ... Спасти во всем мире могли только несколько человек, это были чистые и избранные, предназначенные начать новый род людей.., обновить и очистить землю, но никто и нигде не видал этих людей, никто не слышал их слова и голоса.

Раскольников и Сонечка на каторге

